

Поправщик. Письма

Лев Азов

Лев Азов

Поправщик. Письма

«Автор»

2026

Азов Л.

Поправщик. Письма / Л. Азов — «Автор», 2026

1973 год. Аркадий Иванович Сомов, немолодой почтальон, вдовец, переезжает в новую квартиру на пятом этаже. Его жизнь размерена и тиха: газеты, письма, дождь, неработающий лифт. Но однажды в его сумке оказываются конверты со странными штемпелями... Адреса несуществующие, марки старые, чернила похожи на засохшую кровь. А потом приходит письмо на его собственный адрес — на имя, которого он не знает. Аркадий пытается найти объяснение, но вместо ответов, получает еще больше загадок. «Поправщик. Письма» — спин-офф цикла о Поправщике: мистическая история о времени, которое не течёт, а стоит. Для читателей, которым близки «Пиковая дама», «Дом, в котором» и советская атмосфера с трещиной в реальности.

© Азов Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сумка	5
Штемпели	7
Кирилл	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Поправщик. Письма

Сумка

Осень 1973 года выдалась сырой и вязкой, как старая простыня. Аркадий Иванович Сомов шёл по двору новостройки, прижимая к бедру тяжёлую кожаную сумку, и думал о том, что жить на пятом этаже — это, конечно, хорошо, светло, но лифт опять не работает, а сердце пошаливает.

Он переехал сюда полгода назад. Из коммуналки на Тверской, где за стеной всю жизнь кашлял сосед-столяр, а на кухне пахло чужими щами, — в отдельную однокомнатную квартиру с балконом. Квартира номер пятьдесят два. Пятый этаж. Окна во двор, на детскую площадку, где ещё не посадили деревья, а только вбили колышки. По вечерам эти колышки отбрасывали длинные тени, и Аркадию иногда казалось, что тени эти шевелятся. Он не говорил об этом никому. Он вообще не любил говорить о том, что казалось.

Жена его, Лида, умерла пять лет назад. Сын Юра уехал на Север, на стройку, писал раз в два месяца — коротко, казённо, будто отчитывался. Аркадий не обижался. Он вообще был человеком тихим, привыкшим к молчанию. Работа почтальоном ему шла: ходишь, дышишь, разносишь. Сумка, правда, тяжёлая, но это ничего. К сумке он привык.

Он обходил свой участок каждое утро. Двенадцать домов, четыре улицы, три переулочка. Железные почтовые ящики, покрашенные в тёмно-зелёный, с маленькими замочками, которые вечно заедали. Аркадий знал каждый ящик, каждую щербинку, каждую кривую дверцу. Он знал, кто получает «Правду», кто «Вечёрку», кто выписывает «Здоровье» и «Крокодил». Он знал, кто ждёт письма от детей, а кто — от кого-то, кто не пишет годами.

В то утро всё шло как обычно. Он вышел из почтового отделения на улице Чапаева, получил пачку газет, письма, две посылки — тяжёлые, с сургучом, — и пошёл по маршруту. Дождь моросил, но не сильно. Аркадий натянул кепку пониже и двинулся.

Первую странность он заметил на улице Строителей. В ящике дома номер семь лежало письмо. Конверт был старый — не по возрасту старый, а из другой бумаги, плотной, желтоватой, с маркой, которую Аркадий видел разве что в альбоме у соседа-филателиста. Штемпель был смазан, но дата читалась: 1958 год. Адрес: улица Строителей, дом 7, квартира 14. Письмо. Аркадий посмотрел на обратную сторону. Отправитель: «Гор. Куйбышев, ул. Победы, 3, кв. 8. Петровой А. М.»

Он замер. Улица Строителей, дом 7 — этот дом построили только в шестьдесят восьмом. В пятьдесят восьмом здесь был пустырь и старая баня. Никакой квартиры 14 не существовало. Аркадий постоял, повертел письмо в руках. Бумага была холодной. Не просто холодной — ледяной, будто её держали в морге. Он сунул письмо в сумку — решил, что разберётся позже, в отделении.

К обеду он насчитал ещё три таких письма. Одно с датой 1962, другое 1965, третье — 1954, с маркой, на которой был профиль Сталина. Адреса были разные. Все — на дома, которых в этом районе не было. Или которые ещё только начали строить. Или которые, как он точно знал, стояли на других улицах, судя по адресатам. Он попытался вспомнить, кто мог бы отправить эти письма. Может, старые жители, переехавшие сюда из снесённых домов, сохранили конверты и по ошибке опустили их в ящик? Но марки, штемпели, бумага — всё было подлинным. Таких марок уже десять лет как не выпускали.

В отделении он отдал их начальнице, Вере Павловне, женщине с усталыми глазами и вечным запахом валерьянки.

— Вера Павловна, тут вот... странные.

Она посмотрела, повертела, нахмурилась.

— Опять? — спросила она тихо.

— Что «опять»?

— Ничего. Дай сюда. Я разберусь.

Она убрала письма в ящик стола и больше к ним не возвращалась. Аркадий не стал спрашивать. В их отделении всякое бывало: и письма без адреса, и посылки с пустотой, и телеграммы, которые никто не отправлял. Люди уходили, дома сносили, улицы переименовывали. Что-то терялось, что-то находилось. Он не привык задавать вопросы.

Но письма вернулись.

Через день они снова лежали в его сумке. Те же самые. Или другие, но такие же старые. Он отнёс их снова. Вера Павловна на этот раз промолчала, только посмотрела на него долгим взглядом и перекрестилась в углу, где висела выцветшая икона, прикрытая газетой. Рука у неё дрожала.

Аркадий начал складывать письма дома. В ящик письменного стола, под старые счета и квитанции. Он не знал, зачем. Просто не мог их выбросить. Ночью ему казалось, что ящик стола светится изнутри — тускло, синевато. Он вставал, открывал ящик. Письма лежали смирно, но бумага была тёплой, будто её только что держали в руках. Чьих-то руках. Не его.

Штемпели

К ноябрю писем стало больше. Теперь они появлялись почти каждый день. Старые конверты, старые марки, старые штемпели. Даты: 1949, 1951, 1956, 1960, 1963. Адреса: улицы, которых не было; дома, которые не существовали; квартиры с номерами, которых не могло быть в пятиэтажках. Иногда — фамилии, которые Аркадий знал. Сосед из коммуналки, столляр, умерший в шестьдесят втором. Женщина с первого этажа его старого дома, уехавшая в Ленинград. Мальчик, с которым он учился в ремесленном, погибший на целине.

Он не открывал их. Не мог. Что-то внутри, тихое и упрямое, говорило: не трогай. Но иногда, ночью, он слышал шёпот. Тихий, неразборчивый, будто из-за стены. Он не мог разобрать слов, но интонация была умоляющей. Кто-то просил. Кто-то ждал. Кто-то звал его по имени.

Он стал записывать. Вёл тетрадь в клетку, купленную в канцелярском на углу. Колонки: дата получения, дата на штемпеле, адрес, отправитель, примечания. Он сам не понимал, зачем это делает. Но тетрадь росла, и в ней появлялся порядок — единственное, что он мог противопоставить странности. Иногда, записывая, он чувствовал, что за спиной кто-то стоит. Он оборачивался. Никого. Только тень на стене. Его собственная тень. Но иногда она была длиннее, чем должна быть. И наклон головы у неё был другой.

В декабре появились письма из будущего.

Первое он принял за шутку. Конверт был новый, гладкий, с маркой, на которой был изображён спутник — но не тот, что летал в шестьдесят первом, а какой-то другой, с надписью, которую он не разобрал. Штемпель: 1985 год. Адрес: улица Строителей, 7, кв. 14. Он усмехнулся. Дети балуются. Кто-то из школьников раздобыл старые конверты или нарисовал. Он показал письмо Вере Павловне.

— Вот, — сказал он. — Шалят.

Она посмотрела. Потом посмотрела на него. Её лицо побледнело.

— Ты его не открывал?

— Нет.

— И не открывай.

Она сказала это так, что Аркадий почувствовал холодок. Он кивнул, убрал письмо в сумку и в тот же вечер положил его в ящик стола, к остальным.

Потом пришло письмо с датой 1999. Потом 2014. Потом 2024.

Почерк на конвертах был разный. Иногда — печатные буквы, иногда — размашистый, торопливый. Один конверт был подписан детской рукой, с ошибками: «Дядя Аркадий, здравствуй». Он долго смотрел на этот конверт, но не открыл. Ночью он слышал, как этот конверт шуршит. Сам собой. Будто кто-то невидимый пытался его открыть. Аркадий зажигал лампу, и шуршание прекращалось. Но стоило выключить свет, как оно начиналось снова.

К январю семьдесят четвёртого у него в столе лежало больше полусотни писем. Он перестал их отдавать. Он даже перестал их бояться. Он просто складывал их, как складывают дрова на зиму: аккуратно, в ряд, чтобы не упало. Но иногда, ночью, он просыпался от того, что все письма лежали на полу. Ровным кругом. Вокруг его кровати. И в центре круга — конверт. Белый. С его именем. «Аркадию».

Он не открывал его. Он собирал письма и складывал обратно в стол. А утром находил на подушке тонкий, почти прозрачный лист. Пустой. Только в углу — едва заметная строчка: «Скоро».

А потом пришло письмо на его собственный адрес.

Кирилл

Он нашёл его утром, когда разбирал сумку. Конверт был обычный, белый, с советской маркой. Штемпель: 2023 год. Адрес: город Москва, улица Строителей, дом 7, квартира 52. Его квартира. Его дом.

На конверте было написано: «Кириллу».

Аркадий сел на табурет в прихожей и долго смотрел на это имя. Кирилл. Он не знал никакого Кирилла. В его доме не было Кирилла. Он проверил все списки жильцов, которые у него были — он вёл их для работы, чтобы знать, кому что носить. В доме не было ни одного Кирилла.

Он положил письмо на стол и не тронул его. Оно лежало там день, два, три. Он ходил мимо, смотрел на него, как на спящую змею. Потом пришло второе. Потом третье. Все — на его адрес. Все — на имя Кирилла.

Он стал искать. Спрашивал соседей — нет ли у кого родственника с таким именем. Соседи пожимали плечами. Он ходил в ЖЭК, в паспортный стол, в домоуправление. Нигде не было Кирилла. Ни в списках, ни в картотеке, ни в старых журналах.

Он начал думать, что сходит с ума.

И тогда он заметил слежку.

Сначала это были мелочи. Мужчина в сером плаще, стоявший на остановке, когда Аркадий выходил из дома. Мужчина, который исчезал, стоило моргнуть. Потом — тень в окне напротив, в доме, где шёл ремонт и никто не жил. Потом — шаги за спиной, когда он возвращался домой поздно, после смены.

Аркадий не был трусом. Он прошёл войну мальчишкой — голод, бомбёжки, похоронку на отца. Он умел терпеть. Но тут ему стало по-настоящему страшно. Страшно не за себя. Страшно от того, что мир, в котором он жил, оказался не тем, чем казался. Что за ним наблюдали. Что его проверяли. Что его — почтальона Аркадия Сомова — кто-то выбрал.

Он попытался догнать человека в сером плаще. Побежал за ним через двор, в переулок. Человек шёл быстро, не оборачиваясь. Аркадий крикнул: «Эй!» — но человек свернул за угол и исчез. Когда Аркадий выбежал на пустую улицу, там никого не было. Только ветер гнал по асфальту обрывок газеты. Он поднял его. Это была страница из «Правды» за 1985 год. Газета, которой ещё не существовало.

Ночью он не спал. Лежал, слушал, как скрипит лифт — которого не было, потому что лифт не работал. Как капает вода в ванной. Как в подвале, где-то далеко внизу, что-то гудит, ровно и низко, будто виолончель. Иногда к гудению примешивался шёпот. Много голосов. Тихих. Они говорили разное, но иногда — одно и то же слово. Его имя.

Он встал, зажёл настольную лампу и открыл первое письмо для Кирилла.

Внутри был один лист. Тонкий, почти прозрачный. На нём — одна строчка, написанная дрожащим почерком, который Аркадий узнал. Потому что это был его собственный почерк. Старческий, но его. И чернила были не синие, не чёрные. Бурые. Как засохшая кровь.

«Кирилл, не заходи ко мне в квартиру! Ни в коем случае!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.